

Празднование в честь полного первого месяца третьего маленького господина Чэна было вконец испорчено Шан Сижуюем, что было до крайности неприятно. Фань Лянь и Чан Чжисинь с супругой уехали, не оставшись на обед, а остальные гости всё ещё тряслись от страха, не зная, как возобновить беседу — главнокомандующий Цао напугал их до такой степени, что, казалось, они вот-вот расплачутся.

Чэн Фэнтай нахмурился и в гневе устремился в противоположную потоку людей сторону, но его задержал один из слуг:

— Второй господин, вас там ждёт главнокомандующий Цао!

Чэн Фэнтай сказал, что сейчас подойдёт, но обеспокоенный слуга последовал за ним по пятам, и таким образом хозяин со слугой вместе пришли на задний двор. К этому времени сумасшествие уже оставило Шан Сижую — силы его покинули, а душа словно отлетела. Сняв головные украшения, он безучастно сидел перед зеркалом, пока Сяо Лай стирала с его лица грим. Других актёров вместе с аккомпаниатором спешно отослали домой, так что остались лишь охранявшие Шан Сижую два бойца главнокомандующего Цао, которые понятия не имели, что с ним делать.

— Шан-лаобань, — холодно окликнул его Чэн Фэнтай, остановившись в дверях.

Неизвестно, слышал ли его Шан Сижуй — в любом случае, ответа не последовало. Покосившись на Чэн Фэнтая, Сяо Лай накинула на хозяина пальто. Взгляд Шан Сижую застыл — он был настолько не похож на себя прежнего, что от этого зрелища Чэн Фэнтаю сделалось не по себе.

— Второй господин, возвращайтесь скорее! — поторопил его слуга. — Главнокомандующий Цао вас уже заждался!

Чэн Фэнтай вновь бросил тяжёлый взгляд на Шан Сижую, и гнев, который привёл его сюда, вновь всколыхнулся в душе.

Благодаря Шан Сижую главнокомандующий Цао вспомнил о славных днях своей армейской жизни, а потому сейчас он пребывал в особенно хорошем настроении. Едва завидев Чэн Фэнтая, он обхватил зятя за шею и принялся кормить и поить его до отвала, а затем, захмелев, стал стучать по столу, требуя, чтобы ему показали маленького господина. Чэн Фэнтай велел няньке принести ребёнка, и главнокомандующий Цао при виде младенца в пелёнках тут же вытащил пистолет.

От этого зрелища все гости побросали палочки для еды и повскакивали с мест — одна девочка со страху даже разбила тарелку.

Чэн Фэнтай, у которого из головы не шли супруги Чан, выпил больше двух чарок, чтобы развеять беспокойство. В душе его разлилось неизъяснимое благоухание, он неподвижно

сидел, сжимая в руке чарку, не обращая ни малейшего внимания на пистолет.

— Застрели уже его! — нетрезвым голосом предложил он. — Возместишь мне это дочерью!

— Такой хорошенький беленький бутузик, зачем же в него стрелять? — заплетающимся языком ответил главнокомандующий Цао, сжимая в руке блестящий пистолет. — Немецкого производства, славная вещица! Он был верным спутником этого старика целых семь лет, вот как! А теперь дарю его племяннику в честь встречи! Пусть тоже вырастет главнокомандующим! — С этими словами он ущипнул младенца за щёчку, чтобы показать своё расположение, и ребёнок заплакал.

По окончании банкета главнокомандующий Цао потащил Шан Сижую в свою резиденцию, чтобы предаться воспоминаниям о днях былой славы. Чэн Мэйсинь не хотела возвращаться домой с Шан Сижуюем, её терзала жгучая досада и негодование. Внезапно она шепнула брату дрожащим от слёз голосом:

— Эдвин, ничего не хочешь сказать?

— А что тут скажешь? — отозвался Чэн Фэнтай.

— Ты привёл Шан Сижую, и остывшая было зола разгорелась вновь [1], — заявила Чэн Мэйсинь.

[1] Остывшая было зола разгорелась вновь — чэнъюй 死灰复燃 (sǐhuīfùrán) — обр. в знач. «возродиться, ожить; вновь набраться сил; воспрянуть духом, вновь поднять голову; воскреснуть, как феникс из пепла».

Но у Чэн Фэнтая сегодня не было никакого желания развивать эту тему:

— Ну разгорелась так разгорелась! Он — мужчина, так что старший зять на нём не женится, чтобы сделать своей наложницей — так чего тебе бояться? — с этим он отправился спать. Чэн Мэйсинь, которую едва не рвало кровью от клокочущего в груди гнева, про себя крыла его на чём свет стоит.

Добравшись до спальни, удручённый Чэн Фэнтай хлопнулся на кан, положив под голову ватное одеяло, и долгое время не произносил ни слова. Вторая госпожа уже знала о том, что случилось, но вместо того, чтобы рассердиться за своего старшего двоюродного брата, она лишь вздохнула:

— Ох уж этот Шан Сижуй...

— Его в самом деле надо хорошенько проучить! — гневно выпалил Чэн Фэнтай.

Вторая госпожа отлично знала крутой нрав своего мужа. Сегодня из-за Шан Сижую случился скандал, и она боялась, что Чэн Фэнтай, не смирившись с подобным оскорблением, не сегодня-завтра бросится искать Шан Сижую, чтобы спросить с него за нанесённую обиду — и тогда поднимется ещё бóльшая шумиха [2].

[2] Шумиха — в оригинале чэньюй 全城風雨 (mǎnchéng fēngyǔ) — в пер. с кит. «по всему городу ветер и дождь», обр. в знач. «вызвать толки, надеть шуму, стать темой для пересудов», а также «распространиться повсюду».

— Не делай этого! — не на шутку встревожилась она. — Ведь его защищает так много людей! К тому же, тогда этому скандалу не будет ни конца, ни края!

— Ну ладно, не буду, — холодно усмехнулся Чэн Фэнтай. — Я просто схожу к нему, чтобы объясниться.

На следующий день как раз было воскресенье, и Чэн Фэнтай решил навестить супругов Чан, чтобы помочь им забыть пережитый страх. От службы Чан Чжисинь получил апартаменты с ванной в многоквартирном доме, очень удобные для проживания молодых супругов.

Чэн Фэнтай дважды позвонил в дверь, и ему открыла горничная:

— Вы к кому, господин?

Из-за спины служанки выглянул заспанный Чан Чжисинь, который завязывал пояс домашнего халата:

— Господин Чэн?

— Я же говорил, что я — твой младший зять, — с улыбкой ответил Чэн Фэнтай. — Не нужно звать меня господином.

Улыбнувшись в ответ, Чан Чжисинь провёл Чэн Фэнтая в квартиру, а сам удалился, чтобы переодеться. Вернувшись, он приготовился выслушать гостя, облокотившись о подоконник.

— А где твоя супруга? С ней всё хорошо?

— Не очень хорошо. — Лицо Чан Чжисиня тут же сделалось серьёзным. — Из-за вчерашнего скандала у неё стало плохо с сердцем, от этого она никак не могла уснуть, всё рвалась уехать из Бэйпина. Глубоко за полночь ей наконец удалось успокоиться, и сейчас она отдыхает.

— От всей души прошу прощения за вчерашнее, — покаялся Чэн Фэнтай. — Это всё случилось по моему недосмотру.

— В этом нет твоей вины, — с улыбкой заверил его Чан Чжисинь. — Ты, младший зять, в то время был в Шанхае — откуда тебе было знать, что тогда творилось в Пинъяне?

— Да нет, я был наслышан о событиях в Пинъяне, — ответил Чэн Фэнтай. — Но и подумать не мог, что Шан Сижуй до сих пор лелеет старые обиды, причём до такой степени, что не побоялся устроить столь безобразный скандал. Всему виной моя небрежность. Однако, двоюродный шурин, на сей раз тебе нельзя так же, как в Пинъяне, просто развернуться и уйти, проглотив обиду — как же ты тогда сможешь работать в суде? Ведь Шан Сижуй — просто сумасшедший, и всё, на что он способен — это бездумно выплеснуть свой гнев, смешав ваше доброе имя с грязью — но больше он ничем вам навредить не может.

Прямота Чэн Фэнтая по-настоящему тронула Чан Чжисиня. Сделав пару шагов к младшему зятю, он присел рядом с ним и с чувством произнёс:

— Я-то не боюсь Шан Сижую, а вот твоя двоюродная невестка, Мэнпин — она в самом деле его боится!

Чэн Фэнтай подумал, что тот делает из мухи слона, и спросил:

— Чего ради бояться какого-то там актёришки?

В этот момент горничная принесла чай. Чан Чжисинь прервал беседу и распорядился:

— Сходи за закусками к чаю, но только не покупай обжаренные в масле — у госпожи болит живот. Посмотри, нет ли там паровых булочек с овощами и соевого молока.

Служанка, кивнув, удалилась. Плотно закрыв дверь спальни, Чан Чжисинь предложил Чэн Фэнтаю сигарету и закурил сам.

— Некоторые события распространились в сильно искажённом виде, поэтому сегодня я поведаю тебе то, что до этого рассказывал лишь Фань Ляню.

Чэн Фэнтай с серьёзным видом кивнул.

— В то время в Пинъяне, — тихо начал Чан Чжисинь, — Шан Сижуй и его мегеры из труппы «Шуйюнь» захлопнули перед Мэнпин все двери. Ни один театр не осмеливался её принять, к тому же, Мэнпин заставили выплатить огромную неустойку, что без остатка исчерпало все её сбережения. Мэнпин только и оставалось, что петь на улице, будто попрошайке — наверняка ты об этом слышал.

Однако на самом деле Чэн Фэнтай не знал таких подробностей.

— Но знаешь, что ещё сделал Шан Сижуй? Он подстрекал уличную шпану, чтобы те приставали к Мэнпин. Если бы я в тот день опоздал, то страшно подумать, чем бы дело кончилось... — При воспоминании об этом Чан Чжисиня вновь охватил страх, и он судорожно затаился. — После этого я всегда сопровождал Мэнпин, чтобы защищать её, и сопровождал её на цине. Однако Шан Сижуй не успокоился и на этом: он вступил в сговор с губернатором Чжаном, и тот послал солдат на площадь избивать людей. Тогда Мэнпин так перепугалась, что умоляла меня увезти её из Пинъяна — а теперь Шан Сижуй твердит, что мы сбежали. Но разве он не сам нас к этому принудил?

— А разве он сблизился с губернатором Чжаном не после вашего отъезда? — спросил Чэн Фэнтай.

— Нет, — возразил Чан Чжисинь. — Сперва он воспользовался властью [3] губернатора Чжана, чтобы выжить нас из Пинъяна. А Мэнпин ещё и покрывает его, потому что не хочет, чтобы об этом кто-то узнал.

[3] Воспользовался властью — в оригинале чэньюй 狐假虎威 (hú jiǎ hǔ wēi) — в пер. с кит. «лиса пользуется могуществом тигра», обр. в знач. «пользоваться чужим авторитетом».

— То, что он не смог с тобой поладить — абсолютно естественно, — с улыбкой отозвался Чэн Фэнтай. — Дорогой шурин, не вини меня за бестактность, но он мог бы попросту зарезать тебя в отместку за то, что ты отнял у него женщину. Однако вместо этого он так напустился на двоюродную невестку — это и впрямь бессердечно с его стороны.

Чан Чжисинь с улыбкой покачал головой и стряхнул пепел с сигареты.

— Никто не отнимал у него женщину. У них с Мэнпин совсем не такие отношения, как о том судачат.

Чэн Фэнтай изумлённо повернулся к нему.

— Это истинная правда, — подтвердил Чан Чжисинь. — Шан Сижую продали в труппу «Шуйюнь» в детском возрасте, и Мэнпин его вырастила. Он любит её, как ребёнок, изо всех сил цепляющийся за взрослого, и эта привязанность имеет безжалостную, извращённую природу. Он не разрешал своей старшей сестре уделять кому-либо больше внимания, чем ему самому. Когда он впервые увидел нас с Мэнпин вместе, то у него был такой взгляд, словно он хотел сожрать меня живьём! Он подлетел ко мне и, тыча пальцем мне в нос, принялся во всеуслышание крыть меня бранью. Вот скажи мне, где ты видел на свете такого младшего брата? Ну чем не сумасшедший?

Чэн Фэнтай сдвинул брови и со смехом ответил:

— И всё-таки позволь тебе не поверить. Быть может, он поздно осознал свои чувства, потому что не познал любви между мужчиной и женщиной?

Чан Чжисинь с силой сдавил сигарету, покачав её в пальцах.

— Ничего подобного! — твёрдо возразил он. — Ведь ему тогда уже исполнилось пятнадцать, и он нередко спал с Мэнпин под одним одеялом, используя её грудь как подушку. Они, словно родные брат и сестра, всюду ходили рука об руку, и, как говорится, по очереди кусали от одного куска. Даже мы с Мэнпин за все эти годы не до такой степени сблизились. Если бы он чувствовал к ней хоть на волос влечения как мужчина к женщине, разве смог бы он остаться столь целомудренным при таком тесном контакте? Ты же сам знаешь, что мужчина не в состоянии утаить подобного влечения, как бы Мэнпин могла об этом не знать? Как по мне, так его дикая, беспощадная одержимость Мэнпин сродни безграничной любви ребёнка к матери.

— И впрямь похоже на то, — рассудил Чэн Фэнтай.

— Во всём этом есть кое-что ещё более нелепое, — продолжил Чан Чжисинь. Уже после того, как поднялась шумиха, кто-то принялся выпытывать у Шан Сижую: «Раз ты не позволяешь своей шицзе сойтись с другим, выходит, ты сам хочешь стать ей мужем?» — а он на это ответил: «С чего бы мне хотеть стать ей мужем? Зачем ей вообще нужен муж? Что такого может муж, чего не могу сделать я? Стоит ей попросить — я всё что угодно для неё сделаю». Тогда его упрекнули: «Ты не даёшь ей выйти замуж, и сам не желаешь жениться — разве это годится, чтобы мужчина и женщина коротали век в одиночестве?» А Шан Сижуй в ответ: «Это почему же не годится? Она не выйдет замуж, я тоже не женюсь! Мы и вместе с ней сможем жить счастливо, зачем нам кто-то нужен ещё?» Ты только послушай это, младший зять — тут дело отнюдь не в позднем осознании чувств, это самое что ни на есть настоящее умопомешательство!

Чэн Фэнтай покачал головой, глубоко задумавшись — по здравом размышлении он почувствовал, что, пожалуй, может это понять. Как правило, гений, обладая сверхчеловеческими талантами и способностями к прозрению в одной сфере, непременно окажется обделён в другой: ему либо трудно найти общий язык с людьми, либо общество его не принимает, либо у него причудливый характер, либо физическое увечье. Шан Сижуй был безусловным гением оперы, как писали про него газеты: «Тысячелетний дух “грушевого сада” воплотился в одном человеке». Если бы при этом он был ещё и прозорливым, а также ловким и оборотистым, да к тому же схватывал всё на лету, то разве мир, собрав всё самое лучшее в одном человеке, тем самым не исчерпал бы себя? Однако Небеса справедливы и, соблюдая некое равновесие, они сделали Шан Сижую на редкость бестолковым.

Глубоко затянувшись, Чан Чжисинь продолжил:

— Когда Шан Сижуй сказал это, то стало понятно, что его эмоции и чувства [4] неполноценны в сравнении с чувствами прочих людей. Его долго пытаюсь увещевать, взывая и к сердцу, и к здравому смыслу, а он лишь молча слушал и не спорил, так что казалось, будто он всё понимает; кто же знал, что все эти размышления приведут его к столь извращённым выводам! Прибежав ко мне с Мэнпин, он великодушно предложил: «Раз уж мужчины и женщины

должны вступать в брак и жить так до скончания дней, я, так и быть, разрешаю вам быть вместе! Однако шицзе должна пообещать мне, что я останусь в её сердце самым важным человеком, Чан Чжисинь не должен меня превзойти! Никто не должен! Пусть он будет лишь тем, с кем ты спишь и зачинаешь детей!»

[4] Эмоции и чувства — в оригинале чэньюй 七情六欲 (qī qíng liù yù) — в пер. с кит. «семь чувств и шесть страстей», где семь чувств — радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть и половое влечение, а шесть страстей — страсти, порождаемые шестью органами чувств: глазами, ушами, носом, языком, телом и разумом, который согласно традиционным китайским представлениям тоже является органом чувств.

— А-а-а, — протянул Чэн Фэнтай и неудержимо рассмеялся.

— Он заявил это прямо в моём присутствии! И что на это, по-твоему, могла ответить Мэнпин? Ей только и оставалось, что сказать: «Чувства — это такое дело, в котором человек сам над собой не властен, как я могу обещать подобное?» Тогда он ушёл, заявив, что Мэнпин предала его. В тот день наши трёхсторонние переговоры окончательно зашли в тупик. Ну разве это не смешно? — раздражённо бросил Чан Чжисинь. — Мэнпин ведь не торгует своим телом — но даже и продав тело, сердце не удержишь. А если кто-то уже завладел её сердцем, с какой стати она должна получать разрешение Шан Сижую?

— А меня всё-таки растрогали эти пылкие чувства между старшей сестрой и младшим братом, — вздохнул Чэн Фэнтай.

— Не будь он так безумен и жесток, меня бы они тоже тронули, — с улыбкой отозвался Чан Чжисинь.

В это мгновение из спальни послышались тихие звуки — по-видимому, проснулась Цзян Мэнпин. Чан Чжисинь потушил сигару в пепельнице и встал, чтобы позаботиться о жене. Чэн Фэнтай также поднялся на ноги и попрощался с ним.

— Не принимай вчерашнее близко к сердцу, — похлопал его по плечу Чан Чжисинь. — Ещё увидимся.

Чэн Фэнтай улыбнулся, заверив, что это должны быть его слова, а потом пожал Чан Чжисиню руку на прощание. Про себя он подумал, что их разговор вышел очень душевным. С этого момента он стал считать Чан Чжисиня настоящим другом.

Чэн Фэнтай отобедал дома, потом на него напала дремота и он проспал до вечера. Было холодно, стемнело рано и казалось, что вот-вот пойдёт снег. Поужинав, Чэн Фэнтай собрался было выйти, но вторая госпожа не хотела его отпускать.

— Кто это сегодня принимает? Второй господин, ты ходишь играть в маджонг как на работу, это уже никуда не годится!

Поставив колено на кан, Чэн Фэнтай склонился к ней и поцеловал в щеку:

— Разве главное дело второго господина — не пить, есть и веселиться вволю? Ах да, ещё даровать дочку своей второй госпоже!

Вторая госпожа возмущённо отпихнула его, невольно улыбнувшись.

<http://bllate.org/book/17750/1660365>